

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ V.

ВЫПУСКИ II — IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОГО ПОРТРЕТА И ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ).

Salemann
22/III 91

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Переводы съ персидскаго, турецкаго и арабскаго.

Подражанія Восточнымъ поэтамъ.

Варьяціи на Восточныя темы.

1831 — 1890 г.

1875 г.

Изъ турецкаго поэта Ламан.

Я поражаюсь удивленьемъ,
Что свѣтскій человѣкъ передъ Творцомъ
Спины не гнетъ, а предъ твореньемъ
Съ мольбами сгибается коломъ,
Что онъ къ тому о помощи взываетъ.
Кому здѣсь помощь самому нужна,
Кто, отходя ко сну, не знаетъ
Проснется-ль ото сна!

Отрывки изъ персидскихъ поэтовъ.

1.

Хотя я терніе и прахъ,
Ты жъ — лучезарное свѣтило;
Но еслибъ ты меня согрѣло, оживило —
Явился-бъ въ розахъ я и въ радужныхъ цвѣтахъ.

2.

Когда-бъ я о судьбѣ своей суровой,
О мукахъ сердца стала въ письмѣ писать, —

Письмо окрасилось бы краскою багровой
Отъ слезъ, которыя я сталь бы проливать.

3.

Притянешь волоскомъ коли къ тебѣ идегъ ;
А станеть уходить, и цѣпи разорветъ.

4.

Ферязъ кривою дорогой развязно и смѣло шныряетъ ;
Вотъ отчего къ *Королю* она достушъ имѣетъ вполнѣ.
Туръ же бѣдняжка дорогой прямой неуклонно шагаетъ ;
Вотъ отчего онъ, увы, остается всегда въ сторонѣ.

5.

Лунѣ подобный юноша
Лице свое лилейное
Отъ чернаго невольника
Брезгливо отвернуть.
Кольнуло чернолицкаго
Подобное презрѣнїе
И вотъ жестокосердому
Онъ идолу шепнуть :
И бѣлые и черные,
Всѣ, всѣ, мой милый юноша,
Безъ исключенья, жители
Мы сада одного.
Вотъ если одно пятнышко
Лица моего чернаго
Падетъ на твое бѣлое,
Прекрасное чело,
Отъ этой черной мушечки
Разъ во сто увеличится
Краса твоя лилейная
Завистникамъ на зло.
А если бѣязна твоя
Сливаетъ на лицѣ моемъ,
Названье зараженнаго
Мнѣ тотчасъ-же дадутъ,

И старые и малые,
Родные и приятели,
Всѣ, всѣ отъ проваженнаго
Далеко убѣгутъ!

6.

Коль на чужбинѣ смерть меня подстережетъ
И надо мной свою проявить силу,
О, кто тогда мнѣ выроетъ могилу
И саванъ мнѣ сошьетъ!
Мой гробъ поставьте въ томъ краю на возвышенье,
Чтобъ вѣтеръ несъ мой прахъ въ родимое селенье.

7.

«Чего согнулся?» старцу я сказалъ,
«Чего ты ищешь, сгорбившись кочуя?»
«Эхъ, братецъ, молодость свою я потерялъ»
Старикъ мнѣ отвѣчалъ,
«Ее-то и ищу я».

8.

Согбенная спина —
Поклонъ отъ смерти и почтенье.
Волось же сѣдина —
Отъ вѣчности письмо и приглашенье.

9.

Изъ Хафиза.

На утренней зорѣ порхунчикъ луговой,
Какъ только Роза распустилась,
Къ ней обратился съ пѣсней спцевой:
«Ты, Розочка, мнѣ очень полюбилась;
«Но, чуръ, не чваниться сянъемъ красоты:
«Розъ много было здѣсь въ саду такихъ какъ ты!»
Съ улыбкою въ отвѣтъ тутъ Роза проронила:
«Повѣрь мнѣ, истина меня не оскорбила;
«Но развѣ кто, скажи мнѣ, Соловей,
«Такъ жестко говорить съ возлюбленной своей!»

10.

Изъ Саади.

Я не какой нибудь ползучій муравей!
Не допущу, чтобы меня топтали!
Но я и не пчела, чтобъ отъ иглы моей,
Отъ жала моего стонали!

11.

Изъ Хафиза.

Дозволь, о Боже, мнѣ отъ сна не пробуждаться!
Я счастливъ сномъ... Во снѣ я вижу рай!
Меня ты моего блаженства не лишай
И дай имъ наслаждаться.

12.

Изъ Саади.

Вода въ горшкѣ; а мы отъ жажды умираемъ!
Другъ подъ бокомъ у насъ; а мы по немъ вздыхаемъ!

13.

Изъ Хафиза.

И ночь темна, и бури ревѣ, пучина такъ страшна,
И мечется на насъ, готовая залить, свирѣпая волна.
Куда понитъ береговымъ, подъ легкой пошей ихъ,
Чтò терпимъ мы, среди морей, отъ шкваловъ грозovýchъ!

14.

Два голубя.

Изъ Саади.

Знай я, дружокъ, что разлука съ тобою
Будетъ для сердца такъ жгуча, тяжка.
Я и на мигъ не увлекся-бъ гульбою,
Я бы и дня не провелъ безъ дружка.

15.

Изъ Саади.

Нѣтъ! Наша жизнь не въ томъ,
Что дышимъ мы; а смерть, что жизнь кончатъ:

Когда мы вмѣстѣ — мы живемъ;
Когда въ разлукѣ — умираемъ ¹⁾).

16.

Изъ Саади.

Кто прихоти свои и наслажденья
Съ презрѣниемъ топчетъ подь ногой,
Тотъ будетъ вознесенъ судьбой.

Вѣдь отъ того же
И роза нѣжная стяжала царскій санъ.
Онъ потому ей данъ,
Что терниемъ ея покрыто ложе.

17.

Не лучше ли имѣть босыми ноги,
Чѣмъ въ обуви ходить коли тѣсна она!
Не лучше ли всѣ бѣдствія дороги,
Чѣмъ на дому война!

18.

Изъ Саади.

Проплакалъ надъ больнымъ всю ночь печальный другъ
И умеръ на зорѣ! Больной же оживъ вдругъ!

19.

1878 г.

Изъ Фердоуси.

Выхватимъ, братцы, мечи изъ ноженъ мы!
Дружно ударимъ на недруговъ сонмы!
Грянемъ на нихъ и съ мечомъ и съ огнемъ!
Злобы ихъ лютой мы выи согнемъ.

20.

Вышито на шапкѣ дервиша.

Вѣдь шапку на бекрень злодѣйски заломить
И на людей смотрѣть надменно,
Еще не значить непремѣнно

1) Два послѣдніе стиха — по арабски.
Завѣск Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. V.

И въ самомъ дѣлѣ грознымъ быть,
Умѣгъ повелѣвать и страхъ къ себѣ внушить.

21.

Изъ Ххэйама.

Налююсь я такъ хмѣльнымъ виномъ,
Чтобъ запахъ винный мой во вѣкъ не тратялъ силы
И пробивался изъ моей могилы,
Когда я буду спать въ ней непробуднымъ сномъ.
Чтобъ, коли другъ надъ прахомъ помолиться
Къ моей могилѣ въ полъняна придетъ,
Отъ запаха того, какъ скотъ
Мертвецки пьянымъ могъ онъ повалиться.

22.

Тотъ другъ мой истинный, прямой,
Кто, стоя зеркаломъ передо мной,
Мои пороки мнѣ вѣщаетъ.
Не тотъ, что за моей спиной,
Какъ стоязычный гребень мой,
Ихъ всё по волоску перебираетъ.

23.

ГОРШКИ.

Изъ Ххэйама.

Толкнувшись однажды въ кувшинную лавку,
Нашель въ ней кувшиновъ я страшную давку:
Ихъ было тамъ тысячи. Слышу, одинъ,
Вздыхая, бормочетъ кувшину кувшинъ:
«Куда-то дѣвался кувшинный ваятель,
«Кувшиновъ, горшковъ продавецъ, покупатель!
«Смотри! Вотъ они: этотъ глины комокъ!
«Всѣ будутъ, какъ мы, кто кувшинъ, кто горшокъ!
«Вотъ этотъ кувшинушка лавочки тѣсной,
«Какъ я, былъ любовникомъ дѣвы прелестной.
«И ручка, что къ шейкѣ прижалась горшка
«Была обнимавшая дѣву руку!
«А эта вотъ крышка и ножка кувшина —
«Царя голова и нога селянина!!!»

Доколѣ съ презрѣньемъ мы будемъ топтать
Прахъ равныхъ себѣ, мнѣ хотѣлось бы знать!

Съ арабскаго.

Двѣ вещи есть... Кто имъ не подивится!
Тошнѣе ничего я не встрѣчалъ пока.
Двѣ вещи тѣ: старикъ, который молодится,
И юноша, что корчитъ старика.

НА БРОШКѢ.

Съ персидскаго.

Я на челѣ владѣлицы моей
Сверканьемъ ослѣпляю взоры,
Какъ солнце, посреди лучей,
Сверкаетъ на челѣ Авроры.

НА ОЖЕРЕЛЬѢ.

Съ персидскаго.

Коль блескомъ розъ своихъ ланить
Красавица тщеславится порою,
То этимъ намъ она какъ будто говорить:
Довольна я собою.
Не надобно, при красотѣ моей,
Ни ожерелій мнѣ, ни дорогихъ камней.

Варьяціи на двустипшіе изъ газели
Хафиза.

Ввижу тебя на крутомъ берегу я,
Но не на этомъ, на томъ берегу!
Жаль! И рѣки переплыть не могу я,
Да и уйти отъ рѣки не могу.
Какъ велика красоты твоей сила,
Такъ же могуча и немощь моя.
Удаль моя мнѣ давно измѣнила...
Самъ же не грѣшенъ измѣною я.

Вотъ и окованъ я цѣпью двойною;
Будто приросъ на моемъ берегу,
Стоя недвижно надъ быстрой волною,
Глазъ отъ тебя отвести не могу.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ СТРОИТЕЛЬ.

Восточная сказка.

Вздумалъ Али завестися домкомъ,
Хочетъ жениться и жить себѣ въ немъ;
Мастеру вволю онъ денегъ даетъ;
Тотъ принялся за работу и вотъ,...
Мастерь-то былъ настоящій орелъ!
Живо дошину подъ крышу подвелъ.
Хочетъ взглянуть на постройку Али,
Входить... и сталъ какъ корабль на мели;
Видитъ онъ полъ... надъ своей головой!
Гдѣ-жъ потолокъ?... потолокъ подъ ногой!
«Мастерь!» кричитъ онъ, «съ ума ты сошелъ!
«Что ты за домъ мнѣ дурацкій возвелъ!»
«Что тутъ дурацкаго?» мастеръ въ отвѣтъ,
«Въ домѣ нелѣпаго на волосъ нѣтъ!
«Ты вѣдь жену приведешь же въ свой домъ!
«Все вѣдь хозяйка поставитъ вверхъ дномъ!
«Будь же, мой милый, безъ всякихъ заботъ:
«Полъ, потолокъ, все на мѣсто придетъ».

1890 г.

РУБАШКА СЧАСТЛИВАГО.

Восточная сказка.

Султанъ Селимъ, а можетъ быть Османъ,
Но все равно, — не въ имени тутъ дѣло;
А дѣло въ томъ, что боленъ былъ султанъ
И разрушалось царственное тѣло.
Напрасно изощрялся врача,

Заткнуть стараясь запыясь другъ друга, —
Науки и искусства ихъ ключи
Не подходили къ ящичку недуга!
Что день, то хуже! Бѣдный властелинъ
Уже терялъ надежду на поправку;
Но выписался вдругъ мудрецъ одинъ
Къ оторопѣвшимъ медикамъ въ прибавку.
Погладивъ бороду и почесавъ свой носъ,
Мудрецъ сложилъ подъ бороною руки
И, крикнувъ, рѣчь такую провизнесъ
Помимо Иппократовой науки:
«О государь! Съ одра тебя поднять
«Одно лишь средство въ этомъ мѣрѣ можетъ,
«Не медицинское; зане ты долженъ знать,
«Что медицина тутъ ужъ не поможетъ.
«Мое же средство, царь, тебя спасетъ:
«Надѣнь рубаху ты, не будь снѣсивымъ,
«Ну перваго, который признаетъ
«Себя вполне довольнымъ и счастливымъ.
«Какъ только ты ее надѣнешь, какъ рукой,
«Она съ тебя твой недугъ сниметъ разомъ
«И возвратитъ здоровье и покой».
Не долго думая, султанъ, своимъ указомъ,
Допрашивать придворныхъ повелѣлъ.
Всѣ мялися, плечами пожимали,
Никто изъ грѣшныхъ духу не имѣлъ
Признать себя счастливымъ! Поскакали
Отыскивать счастливаго гонцы
По всей странѣ во всѣ ея концы.
Прорыскали они, не знаю, мѣсяцъ, два ли;
Но на вопросъ, который задавали:
Что счастливъ ты? не молвилъ ни одинъ:
Да, счастливъ я, благодаренье Богу.
И видѣли гонцы вездѣ одну тревогу:
У богачей — болѣзни или силнѣ,
Или жена чертовка, или дѣти,
Изъ жадности плетуція имъ сѣти,
Иль ихъ терзаетъ честолюбья бѣсъ
И не добиться власти отъ небесъ!

Или къ хмѣльному, можетъ быть, пристрастье...
То то, то это; а про бѣдниковъ
И говорить не стоить. Гдѣ тамъ счастье!
Вѣдь всѣмъ пзвѣстно ихъ удѣлъ каковъ:
Не то чтобъ бури, а всегда ненастье!
Поѣздивъ врознь, сошлись на совѣтъ
Мои гонцы. Какой теперь отвѣтъ
Они дадутъ султану! И отъ страху
Гонцы дрожатъ, не знаютъ какъ тутъ быть;
Нести придется голову на плаху
Коль имъ не посчастливилось добыть
Счастливаго проклятую рубаху!
Вдругъ пѣсенка послышалась вдали
И въ пѣснѣ той какой-то тонъ игривый!
Глядятъ... и будто выросъ изъ земли
Вдругъ передъ ними человѣкъ счастливый!
«Давай свою рубашку намъ сюда,
«Счастливый чортъ!» гонцы ему кричали.
«Да, счастливъ я; да вотъ одна бѣда,
«Добиться у меня рубахи вамъ едва-ли!»
Смѣясь счастливый отвѣчалъ гонцамъ.
«Нѣтъ у меня рубахи! Ясно вамъ?»
Гонцовъ повѣспля; султана схоронили.
И съ той поры ту истину открыли,
Что кто въ сорочкѣ родился на свѣтъ,
Тому въ рубахѣ — надобности нѣтъ.

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ?

Съ персидскаго.

Смерть есть рука; у ней и пальцевъ пять.
Коль власть свою надъ кѣмъ она захочетъ взять —
Два на уши кладеть, другіе два на вѣки,
Одинъ же на уста: умолкни, молъ, на вѣки¹⁾).

1) Эджель даст-ѣст, пандж энгушт дѣроз,
Смерть рука есть, пять пальцевъ имѣеть.
Че ххѣхэд эз кеси кѣни бэр ѣроз, —
Коль хочеть надъ кѣмъ волю взять

НЕ ТАКЪ СТРАШЕНЪ ЧОРТЬ, КАКЪ ЕГО МАЛЮЮТЬ.

Изъ Бустана Саади.

Намедни мнѣ во снѣ представился лукавый,
Чортъ, по просту сказать;
Но мнѣ его незья было узнать:
То старецъ былъ красивый, величавый,
Какъ лунь сѣдой,
Съ окладистой, кудрявой бородой,
Съ улыбкой на устахъ и съ добрыми глазами!...
Ну какъ мнѣ было въ немъ, судите сами,
Признать страшилище, какимъ привыкли мы
Здѣсь на картинахъ видѣть князя тьмы!
«Неужели», сказалъ я, «правду баюють,
«Что чортъ вы?» — «Да-съ, я чортъ, покорный вашъ слуга». —
«Но гдѣ-жь вашъ хвостъ, гдѣ когти, гдѣ рога?» —
«Я чортъ-съ; но кисть, которою меня изображаютъ,
«Въ рукахъ у моего врага!»

Ду-ра бэр чеши нэхэд ду нлз бэр гүш,
Два на глаза кладеть два тоже на уши,
Йеки-ра бэр лэб нэхэд я'ни ке ххәмүш.
Одинъ на уста кладеть, то есть: молчи!

М. Г.